

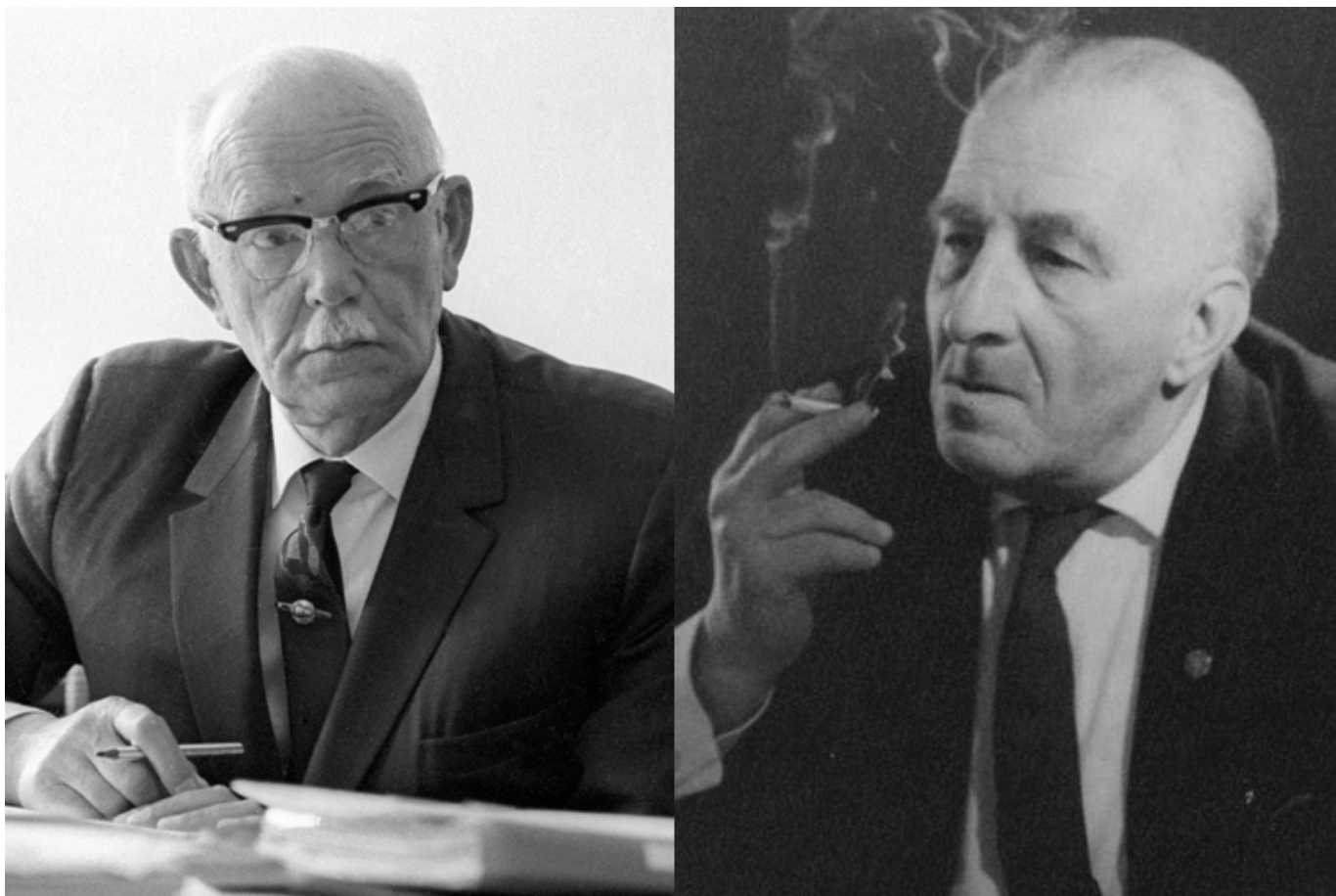
<https://www.colta.ru/articles/art/24384-aleksey-parin-o-pereimenovanii-ulitsy-timofeeva-resovskogo>

Парин А. Улица академика Парина, генетика и историческая справедливость: Алексей Парин о переименовании улицы Тимофеева-Ресовского в Екатеринбурге – 13.05.20 // COLTA.ru: [общественное СМИ, быв. OpenSpace.ru]: [сайт]. – URL: <https://www.colta.ru/articles/art/24384-aleksey-parin-o-pereimenovanii-ulitsy-timofeeva-resovskogo> (дата обращения 10.05.25).

13 мая 2020 г.

УЛИЦА АКАДЕМИКА ПАРИНА, ГЕНЕТИКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ Алексей Парин о переименовании улицы Тимофеева-Ресовского в Екатеринбурге

Алексей Парин

В.В. Парин, Н.В. Тимофеев-Ресовский
© И. Носов / РИА Новости, неизвестный автор

COLTA.RU продолжает следить за дискуссиями вокруг переименования улицы генетика и эволюциониста [Н.В. Тимофеева-Ресовского](https://ru.wikipedia.org/wiki/Тимофеев-Ресовский,_Николай_Владимирович) в Екатеринбурге, о котором стало известно <https://www.colta.ru/news/24295-uchenye-vystupili-protiv-pereimenovaniya-ulitsy-timofeeva-resovskogo-v-ekaterinburge> на прошлой неделе: улица получила имя физиолога [В.В. Парина](https://ru.wikipedia.org/wiki/Парин,_Василий_Васильевич) [https://ru.wikipedia.org/wiki/Парин, Василий Васильевич](https://ru.wikipedia.org/wiki/Парин,_Василий_Васильевич), академика АН СССР и АМН СССР. Против решения о переименовании выступили Совет Вавиловского общества генетиков и селекционеров Санкт-Петербурга и многие ученые из России, Германии и других стран мира; список коллективных писем протеста [публикуется на сайте](#)

Объединенного института ядерных исследований в Дубне
https://www.info.jinr.ru/drrr/Timofeeff/2020/T-R-street_r.html. Сегодня мы публикуем реплику сына академика В.В. Парина — музыкального критика, поэта и переводчика Алексея Парина.

Мне сообщили из Екатеринбурга, что у них появилась улица академика Парина. Сообщила мне об этом моя добрая приятельница, друг, Любовь Серебрякова, умный и знающий музыковед. Она еще ухитряется жить в квартире, где жила моя семья (еще до моего рождения) в Свердловске, прямо точно в той самой квартире. Я успел сильно обрадоваться этой новости: папа, Василий Васильевич Парин, стал директором вновь созданного мединститута в Свердловске в 30-е годы XX века, когда ему самому было около 30 лет, и как будто бы, по всем сведениям, очень умно все там организовал. Перед самой войной, в 1940 году, его вызвали в Москву, где он стал завкафедрой физиологии, потом директором мединститута, а позже и замминистра здравоохранения. Потому что у папы кроме научного таланта (он открыл «рефлекс Парина» в кровообращении) был еще и талант организатора, и моя мама позже, уже к концу папиной жизни, в 60-е годы, говорила, что этот самый оргталант помешал ему сделать совсем блестящую научную карьеру.

Как бы то ни было, папа создал мединститут в Свердловске и заложил основы обучения студентов медицине. Что, на самом деле, не такая простая материя, потому что человек состоит из многих органов и систем и хорошему врачу все их надо как-то понять, чтобы потом лечить больных.

Да, улица появилась. Но почему она появилась так вдруг? На новенького? Да, в Академическом районе. Но появилась она не на пустом месте, как выяснилось. Раньше эта улица называлась улицей Тимофеева-Ресовского. Ее [переименовали](https://trv-science.ru/2020/05/05/o-pereimenovanii-ul-timofeeva-resovskogo-v-ekb/) <https://trv-science.ru/2020/05/05/o-pereimenovanii-ul-timofeeva-resovskogo-v-ekb/>. Когда я узнал об этом, все во мне оборвалось. Потому что это выдающийся ученый-генетик, имя которого в нашей семье произносилось со священным трепетом.

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский — один из самых блестящих русских генетиков. С 1930-х годов он работал в Германии, в Берлине, где возглавлял лабораторию в одном из крупных институтов, и многие работы он осуществил вместе с Максом Дельбрюком (о котором еще речь пойдет дальше). Работы этих двух ученых стали основополагающими в генетике. Потом, понимая, что его ждут арест и лагерь, Тимофеев-Ресовский не вернулся в СССР перед войной. Но был схвачен НКВД в 1945 году и, естественно, получил свои «законные» 10 лет заключения, однако с 1947 года работал «в кругу первом». Был выпущен в 1951 году, в 1955-м с него была снята судимость. Продолжал работать в разных институтах, в том числе в Институте медико-биологических проблем, которым руководил мой папа. Потому что поддержать такого значительного ученого, как сам Тимофеев-Ресовский, для моего папы было святым долгом.

Василий Васильевич Парин сам прошел через арест и тюрьму. В 1947 году ему дали 25 лет — потому что незадолго до этого отменили смертную казнь — как «врагу народа». В Доме на набережной был устроен «суд чести», на котором «предательство» Парина было общественно «заклеймено». По этим материалам Александр Штейн написал пьесу «Закон чести», которая потом, в 1948 году, превратилась в фильм Абрама Роома «Суд чести», получивший Сталинскую премию I степени. Интересно, что ситуацию Парина (с мнимой передачей секрета об излечении рака) использовал для своего романа «В кругу первом» Александр Солженицын. Папа вернулся из тюрьмы в октябре 1953 года, прожил еще 18 лет и много чего успел сделать — в том числе начать у нас в стране разработку космической биологии и медицины. У него на щеке была царапина от шлема Гагарина перед отправкой в космос — папа провожал первого российского космонавта.

Что же касается Тимофеева-Ресовского, то его номинировали на Нобелевскую премию в 50-е годы, но СССР вообще не ответил на вопрос, жив ли такой ученый. В конце концов премию дали в 1969 году Макс Дельбрюку. И представьте себе такое совпадение фактов, что он вскоре приехал в Москву и прочитал свой нобелевский доклад в Институте молекулярной биологии Академии наук, где я тогда работал, и я, ваш покорный слуга, переводил эту речь. Съехалась вся научная Москва, и я дрожал, как кролик. Но все прошло хорошо! Мне, как «урожденному» литератору, было особенно приятно, что первые слова Дельбрюка, довольно длинный абзац, оказались посвящены Сэмюэлу Беккету. А он, автор великой пьесы «В ожидании Годо», стал для меня просто идиолом.

Что же касается генетики в моей жизни (а я был студентом кафедры биохимии животных биологического факультета МГУ с 1961 по 1966 год), то поначалу никакой такой генетики у нас и в помине не было. И только после того, как на верхнем советском посту не стало Никиты Хрущева, нам начали читать курс классической генетики, при этом учебник у нас был переводной, весьма достойный. Нам можно было не ходить на лекции, но тут я превзошел сам себя и, несмотря на «семейное отношение» к будущей профессии, получал удовольствие от того, как биологическая наука может быть не описательной, а фактически точной.

Главным «теоретическим» предметом в биологии тогда считался «дарвинизм», то есть всякая вопиющая лысенковщина. И уже на фоне генетики мои хитрые однокурсники приходили на экзамен по этой дури и говорили: «Да никаких этих генов нет в природе!» — и получали свои пятерочки. Но развернулась у нас чуть раньше и другая история: трое смельчаков приковали цепью к унитазу портрет Лысенко, снятый со стены. Их за это тут же отчислили из университета. Но на нашем курсе прошло собрание, которое не согласилось с мнением ректората, а решило, что это было «просто хулиганство», а вовсе не «политическое хулиганство», как им это вменялось в вину. Выбрали группу из трех человек (в нее вошел и я), которая ходила потом по всяким начальствам с попыткой доказать «правду». Ничего у нас из этого не вышло! (Потом смельчаков восстановили «тихой сапой».)

Подведу итог. Двух больших ученых, прошедших трудный путь с немислимыми лишениями, словно столкнули лбами при оказании им чести. Тимофеева-Ресовского при этом как будто публично опорочили как «недостойного». Мне кажется, власти Екатеринбурга должны серьезно подумать о том, чтобы оба ученых обрели свои улицы в этом прекрасном и достойном городе.